

Бай Цзыань вернулся в поместье клана Бай, неся в руке чемодан. Ло Фань тут же забрал его:

— С возвращением, молодой господин.

— Я хочу принять ванну. Вода готова?

— Все готово, не беспокойтесь.

— Завтра передашь этот чемодан мастеру Яню. Он знает, что делать.

— Да, молодой господин.

Когда Бай Цзыань погрузился в теплую воду, из его груди вырвался блаженный вздох. Приятное тепло мягко расслабляло мышцы, температура воды была идеальной – именно такой, как он любил, а покачивающиеся на поверхности лепестки роз источали нежный цветочный аромат.

Ванную комнату заволочли клубы белого пара.

После выписки из госпиталя прошла неделя. Он вернулся к привычной жизни, исправно посещая занятия в академии, словно самый обычный студент.

Бай Цзыань устало потер переносицу.

«Интересно, как там мои настоящие родители? Отец, наверное, места себе не находит от злости и постоянно ругает мои навыки вождения. Мама, должно быть, сидит у моей больничной койки и наносит всякие маски для лица и рук. Было бы здорово, если бы она сделала их и мне, чтобы в день возвращения в реальность я не выглядел совсем уж ужасно».

Система 66 вставил свои пять копеек: [Хост, не переживай! С нашей медицинской системой гарантирую, что ты вернешься домой все таким же благоухающим красавчиком.]

Глаза Бай Цзыаня загорелись: [О, а у вас есть какие-нибудь дополнительные услуги в подарок?]

[В... подарок?]

[Ну, например, отбеливание кожи, подтяжка лица, тонкая талия или упругие ягодицы, – Бай Цзыань с энтузиазмом заплескал руками по воде. — А еще рост! Да! У вас есть услуга по увеличению роста?]

Шестьдесят Шестой ненадолго замолчал, а затем ответил: [За это придется доплатить.]

[Выставляй счет, я плачу!] – Бай Цзыань резко приподнялся из воды.

Раздался стук в дверь.

— Молодой господин Бай, я оставил приглашение на вашем столе.

Это был голос Ло Фаня. С тех пор как он стал личным слугой, его обязанности свелись к сущим пустякам вроде глажки одежды, уборки спальни и подачи завтрака.

Чем больше Бай Цзыань общался с ним, тем больше убеждался, что Ло Фань – самый настоящий милый ангел.

Он выполнял работу безупречно: воротничок каждой рубашки был выглажен идеально, в спальне невозможно было отыскать ни единой пылинки, а ядовитые насмешки своего скверного хозяина он сносил с кротким терпением, просто молча делая свое дело.

Ах...

Бай Цзыань невольно почувствовал себя кем-то вроде старшего покровителя, а Ло Фаня – беззащитным ребенком, нуждающимся в опеке.

«Не бойся, папочка тебя защитит».

Поэтому он под предлогом «ты мозолишь мне глаза» регулярно отправлял Ло Фаня отдыхать, стараясь таким нехитрым способом уберечь его хрупкую психику.

«Ничего, папочка тебя побалуует».

Бай Цзыань крикнул в сторону двери:

— Понял. Принеси мне новый флакон лосьона для тела.

После ванны кожа всегда казалась сухой, так что порция увлажняющего крема была бы очень кстати.

Бай Цзыань поднялся, вытерся полотенцем и накинул халат. Из-за густого пара он не сразу разглядел тапочки, поэтому, шаря глазами по полу, принялся мысленно болтать с Шестидесятью Шестым:

«Вспомнился мне тут один классический сериал. Главная героиня останавливается в доме героя, выходит из душа, обязательно поскользывается, а тот в самый последний момент подхватывает ее за талию. Они преданно смотрят друг другу в глаза, на заднем плане начинает играть романтическая музыка, у нее красиво сползает халат с плеча, а он демонстрирует свои сильные руки... Ну что за бред? В жизни она бы просто грохнулась лицом в... а-а-а!»

Бай Цзыань не успел договорить: он наступил на тапочек как раз в том месте, где натекла лужа от его недавних восторженных всплесков воды...

Шмяк!

Бум!

Мир вокруг перевернулся, и юноша с коротким вскриком тяжело рухнул на кафельный пол.

Боль была дикой.

В глазах потемнело. Правая рука оказалась зажата под собственным телом, но когда он попытался приподняться, в правой лодыжке отозвалась резкая, колющая боль.

Неужели вывих?

Лежа на холодном полу, Бай Цзыань со вздохом подумал: «Не хватало только, чтобы сейчас кто-то ворвался, и сцена превратилась в дешевую дораму».

И тут...

Бах!

Дверь в ванную с грохотом распахнулась, и клубы теплого пара хлынули наружу, мгновенно рассеиваясь.

— Молодой господин, вы целы?

Бай Цзыань с совершенно бесстрастным лицом уставился на опустившегося перед ним на одно колено Ло Фаня.

На лице юноши читалось искреннее беспокойство.

«Милый мой, тебе вовсе не обязательно быть настолько преданным своей работе».

Что ж, его гордость только что разлетелась на мелкие кусочки вместе с этим падением.

Ло Фань, увидев распластавшегося на полу хозяина, сразу все понял и мягко произнес:

— Молодой господин, позвольте мне помочь вам подняться.

Юноша одарил его свирепым взглядом и процедил:

— Проваливай.

Ло Фань знал, что его господин очень самолюбив, но медлить было нельзя. Он аккуратно подхватил хрупкое тело на руки.

— Прошу прощения за дерзость, молодой господин.

— Мерзавец, отпусти меня сейчас же!

Юноша принялся брыкаться, но Ло Фань, не говоря ни слова, лишь крепче сжал объятия и уверенно зашагал в спальню.

[О-о-о, это любовь... Это любовь...]

Бай Цзыань, продолжая для вида вырываться, мысленно закричал: «Черт тебя дери, ты реально включил фоновую музыку?!»

Система 66 виновато выключил сопровождение: [Хост, мне просто показалось, что это очень подходит к моменту.]

Бай Цзыань принялся поучать ИИ: «Какая еще любовь? Это называется вынужденным подчинением. Смени пластинку».

Тогда Шестидесят Шестой включил «Катюшу». Бай Цзыань тут же почувствовал себя тяжелым артиллерийским снарядом, который несет на плече советский солдат с железной волей.

Ло Фань бережно опустил его на кровать и спокойно произнес:

— Вы можете наказать меня как угодно, молодой господин, но сначала позвольте мне позвать врача, чтобы осмотреть вашу ногу.

У Бай Цзыаня голова пошла кругом. Во-первых, если все узнают, что он нелепо поскользнулся

в ванной, это будет несмываемым позором. Во-вторых, за травму хозяина личного слугу непременно жестоко накажут, и у него не будет весомого повода защитить Ло Фаня.

Слуга уже собрался повернуться и уйти.

— Эй, стоять, — красивый юноша высокомерно вздернул подбородок и небрежно вытянул правую ногу. — К чему эти церемонии? Ты сам-то умеешь вправлять суставы?

— Умею, — ответил Ло Фань.

Он опустил глаза, встал на одно колено и левой рукой мягко приподнял ступню юноши, а правой принялся аккуратно прощупывать область вокруг лодыжки.

В полумраке спальни Бай Цзыань лениво полулежал, откинувшись на подушки. Золотистые пряди волос хаотично рассыпались по лицу, а длинные ресницы отбрасывали густые тени на бледную кожу. После ванны его волосы все еще были влажными, тонкое тело едва прикрывал просторный халат, а обычно бледно-розовые губы сейчас казались спелыми и налитыми соком, точно созревшие яблоки на ветке. Щеки слегка порозовели от горячего пара.

Он выглядел невероятно капризным, изнеженным и величественным – словно сошедший со старинного полотна юный аристократ, для которого даже мимолетный взгляд на простого смертного был величайшей милостью.

Ло Фань старался действовать как можно нежнее, но юноша все равно недовольно морщился.

Стоит признать, что каждая черта его тела соответствовала безупречной внешности. Ступня была изящной, узкой и белой, как чистейший нефрит, а ногти походили на аккуратные розоватые жемчужины.

Среди благородных дам Имперской столицы сейчас было модно красить ногти на ногах в яркий алый цвет. Прежде Ло Фань относился к этой причуде с презрением, но сейчас подумал, что на этих изящных пальчиках подобный цвет смотрелся бы просто великолепно.

— Ладно, уже не болит, — юноша резко выдернул ногу и, подложив руку под голову, высокомерно бросил:

— Свободен. И чтобы в ближайшие дни я тебя на глаза не видел.

Ло Фань тихо и хрипло отозвался, в его серых глазах промелькнула едва заметная искра:

— Лосьон для тела на тумбочке. Доброй ночи, молодой господин.

Как только слуга ушел, Бай Цзыань сладко зевнул и растянулся на постели.

Надо признать, массаж у Ло Фаня получился отличный, только жутко щекотный – пришлось приложить немало усилий, чтобы не рассмеяться вслух.

На тумбочке у кровати лежали пригласительный билет и флакон с лосьоном. Юноша перевернулся на бок, взял их и принялся наносить крем, попутно вскрывая конверт.

Это было приглашение на аукцион.

Бай Цзыань припомнил сюжет: «О, приближается классическая сцена с аукционом. Время заявить о себе главному транжиру и глупцу – молодому господину Баю».

<http://bllate.org/book/17981/1727609>